

О том, что случилось той ночью два дня назад, у Янь Цина сохранилось не так уж много воспоминаний.

Когда сезон опыления обрушился на него внезапно, он как раз возвращался домой — сворачивал с большого проспекта, застроенного высотками, в старые кварталы. В глубине переулков тускло светились фонари, и в ночной темноте почти не встречалось прохожих.

Он увидел лишь одного мужчину.

По всей видимости, человека. Среди ёкаев только несколько старейшин умели полностью скрывать свою ауру, и с виду их не отличишь от людей. Но всех старейшин Янь Цин знал в лицо — и этого мужчины среди них точно не было.

Сознание было мутным, и в тумане он даже не рассмотрел лица незнакомца — просто инстинктивно уткнулся тому в грудь.

Даже голос его пылал жаром, словно принадлежал не ему:

— Помогите... прошу...

А потом им целиком овладели инстинкты истинной формы, и он напрочь забыл, какой сейчас день и год. Единственное, что он запомнил, — как мужчина шёл к нему против света, и тусклые фонари очерчивали безупречный профиль и стройную фигуру.

Точно так же, как сейчас.

Янь Цин моргнул, ресницы дрогнули. Пальцы, сжимавшие билет, напряглись. Он забормотал, не отдавая себе отчёта:

— Э-э... давно не виделись, ой, нет, тогда я... вы... — Тот человек, проснувшись, его не застал и наверняка сам оплачивал номер. А теперь они случайно столкнулись — не рассердится ли он?

Он ведь вовсе не хотел сбежать после ночи. Просто когда вернулся утром — номер был уже пуст.

Волнение накатывало неудержимо, ему казалось, что все его розовые шипы вот-вот встопорщатся, вставая дыбом на этом ледяном ветру.

Мужчина слегка приподнял бровь и произнёс чистым, прохладным голосом:

— Немало. Два дня.

Янь Цин, отлично осознавая свою вину (переспал и сбежал), пробормотал:

— Не... не так уж и долго... — Он не осмеливался смотреть на собеседника, стоял, опустив голову, и мелко дрожал, мечтая, чтобы очередь наконец закончилась.

Они стояли последними в очереди, совсем близко друг к другу. Атмосфера повисла неловкая, и Янь Цин, не выдержав, принялся молотить что попало:

— Ты тоже пришёл на концерт... какое совпадение, ой, я уже это говорил. Ну, в общем, судьба, значит, тебе тоже нравится... э-э...

В ответ мужчина тихо хмыкнул.

Тот, в отличие от Янь Цина, не испытывал ни малейшей неловкости и совершенно серьёзно заметил:

— В ту ночь... ты был вовсе не таким стеснительным.

Янь Цин: «!!!»

Он снова вспомнил, как сам кинулся мужчине на грудь. Тело вспыхнуло жаром, а шея и щёки в приглушённом лунном свете покрылись едва заметным румянцем.

Голос его упал почти до шёпота:

— Это было случайно...

Очередь двигалась. Янь Цин прошёл контроль и, обернувшись, увидел, как мужчина за его спиной просто провёл каким-то удостоверением — и его тоже пропустили.

— Идём за мной, — сказал тот.

— Не-не надо, наверное...

— Опять сбежишь?

Янь Цин: «...»

Слёзы бы полились, если бы могли.

Вспомнив про свой уплывший кошелек, он покорно потащился следом.

У его вчерашнего партнёра, похоже, имелись какие-то особые привилегии — вместо того чтобы идти со всеми, он свернул в служебный коридор. Янь Цин растерялся:

— А сюда можно?

Мужчина едва заметно кивнул, но ничего не ответил.

— Ну... меня зовут Янь Цин. «Янь» — как «строгость», «Цин» — как «ясность». А тебя как? — Обращаться по имени как-то повежливее, чем просто «вы, вы, вы».

В ответ ему протянули визитку. Без пышных должностей и званий — только номер телефона и имя.

При тусклом свете коридора Янь Цин машинально прочёл вслух:

— Гэн... Ихуай?

— Угу.

Дальше — молчание. Только сейчас Янь Цин понял: их короткий обмен репликами был исключением. Этот человек скуп на слова.

Ему стало не по себе. Он не осмеливался болтать лишнее и, отставая на полшага, следовал за мужчиной по служебному коридору, крепко сжимая свой билет — с местом чуть ли не за пределами зала, — и вот они оказались... в первом ряду.

За спиной — сплошная тёмная масса зрителей. Все места позади заняты. А перед ними — простор, широкий обзор, вся сцена как на ладони.

Маленький цветочный ёкай замер у прохода:

— Мой билет не сюда...

— Здесь всё равно не занято, — мужчина обернулся. — Я имею право приводить гостей. — Билет ему не нужен: он и есть главный спонсор этого концерта.

От его слов веяло таким холодным превосходством, что отказать было попросту невозможно. Однако Янь Цин опустил ресницы и покачал головой:

— Но я не покупал сюда билет.

В ответ ему на руку легла тёплая ладонь.

Внезапное прикосновение пронзило его, словно током. Настоящее наложилось на туманное воспоминание о той ночи — на миг у него всё поплыло перед глазами.

Совершенствование у Янь Цина было слабым, и в моменты волнения он не мог сдержать свои шипы. Даже в человеческом облике другие люди или недавно принявшие человеческую форму мелкие ёкаи ощутили бы лёгкий укол, коснувшись его. Но на этого господина Гэна шипы не оказали никакого действия. Широкая ладонь легла ему на предплечье и потянула на сиденье.

Янь Цин пробормотал:

— ...Странно.

В этот момент свет в зале погас; горел только тусклый огонёк перед занавесом. Разрозненный гул зрителей стих: на классических концертах шума не создают.

Пришлось Янь Цину смириться и остаться сидеть.

Пианист Тао Нин, главная звезда вечера, ещё не появился. Пользуясь моментом, Янь Цин торопливо зашептал:

— Позавчера... прости, что убежал, срочные дела. Сколько стоил номер? Давай я верну половину? Или всю сумму, если хочешь... — Пусть у людей такие мимолётные связи в порядке вещей, всё-таки первым к нему приставал он.

Может, показалось, но Янь Цину послышалось, что Гэн Ихуай снова тихо хмыкнул.

Голос у Гэн Ихуая от природы был низким и обволакивающим, а сейчас, приглушённый до шёпота, он щекотал ухо:

— Ты об этом всё время думал?

Янь Цин покачал головой:

— Не только. Ещё вот что: моя одежда, ключ и кошелёк — они у тебя?

— ...Да, — на этот раз в голосе Гэн Ихуая прозвучало искреннее «нет слов». — У меня дома. — Он хотел отдать всё на стойку регистрации отеля, но, увидев ту стопку одежды, вспомнил

влажный блеск в глазах мальчишки той ночью — и передумал.

Маленький ёкай оказался неожиданно... милым.

Совсем не то, что тот пылкий, льнущий образ той ночью. Он-то поначалу решил, что перед ним матёрый ловкач, а теперь видно: настоящий росточек.

В ночь их встречи ему как раз досталось в стычке магий — попал под простенькое, но пакостное заклятие. Не успел ещё придумать, как снять его, — а мальчишка уже кинулся ему на грудь, прижался...

Сначала он был не в восторге от подобной случайной связи, но теперь обнаружил, что отвращение и раздражение почти улетучились.

На концерт он заехал лишь на плановую проверку перед началом. И только ощутив знакомую демоническую ауру, вышел из-за кулис.

— Господин Гэн, — донёсся тихий голос ёкая, — так я могу забрать свои вещи?

Гэн Ихуай кивнул.

Маленький ёкай удовлетворённо улыбнулся, обнажив маленькие клыки — и стал ещё милее.

В следующий миг слова Гэн Ихуая заставили клыки моментально спрятаться.

— У тебя это ведь было впервые.

Лицо мальчишки застыло, взгляд разом изменился — не то стеснение, не то возмущённое смущение. Мочки ушей заалели так, что казалось, вот-вот брызнет кровь.

На сцене медленно раздвинулся занавес. В центре светового круга возник концертный рояль, а прожектор высветил фигуру пианиста в чёрном фраке.

Янь Цину пришлось замолкнуть и тихо-тихо слушать музыку.

До самого конца концерта они больше не обменялись ни словом.

Раз уж договорились забрать вещи, Янь Цин снова последовал за Гэн Ихуаем через служебный коридор и, с молчаливого согласия того, сел в его машину.

У Гэн Ихуая был водитель, и они оба разместились на заднем сиденье. Янь Цин смотрел в окно на мелькающие уличные пейзажи и думал: господин Гэн, видимо, весьма состоятелен, скуп на слова, но с ним, оказывается, легко.

По крайней мере, он не устроил скандала за то, что Янь Цин удрал, не взяв на себя ответственности. Даже собрал его вещи и повёз домой отдавать.

Поэтому, выходя из машины, Янь Цин искренне произнёс:

— Господин Гэн, вы очень хороший человек.

Водитель после этих слов соорудил такую физиономию, словно увидел привидение.

Янь Цин выражения его лица не заметил и просто последовал за Гэн Ихуаем в дом.

Дом — это слишком скромно сказано. Особняк. Огромный особняк, раз в несколько десятков превосходящий комнату, которую снимал Янь Цин.

Внутри всюду горел свет, отопление было настроено идеально. Растения особенно чутки к перепадам температуры, а в последние дни Янь Цин стал восприимчив к ней ещё сильнее.

К тому же он волновался, а в сезон опыления его собственная температура и без того подскакивала. Едва усевшись на диван, он почувствовал, что задыхается от жары; расстегнул воротник свитера, снял пальто.

Не прошло и минуты, как Гэн Ихуай уже принёс бумажный пакет и протянул ему. Внутри лежали его вещи.

Янь Цин невольно улыбнулся, и напряжение слегка отпустило:

— Спасибо.

Гэн Ихуай слегка кивнул и уселся на другой конец дивана. Сложил руки на коленях и ровным голосом произнёс:

— Поговорим.

— А, точно, надо поговорить, — Янь Цин тут же вытащил из кошелька свои жалкие несколько сотен юаней, которые всё ещё лежали внутри в целости, и разом протянул их Гэн Ихуаю. — За номер. Этого хватит? На карте у меня почти ничего нет... Если не хватит, могу написать расписку!

Гэн Ихуай денег не взял.

Мужчина поднял на него глаза. В глубоких зрачках мелькнуло что-то испытующее.

— А дальше? — низко спросил он.

— Дальше... м? Дальше? — Янь Цин растерялся. Что ещё он упустил?

Подумав, он сказал:

— Дальше... за ту ночь я, правда, прошу прощения. Я не нарочно, всё вышло случайно, и это моя вина...

Он запнулся. Не нарочно ли? Он поднял взгляд, украдкой рассматривая собеседника.

У господина Гэна черты лица были безупречны: густые «клинковые» брови, глаза-звёзды. И зрачки, кажется, тёмно-синие, глубокие, как звёздное небо. Внешность, идеально попадавшая в эстетические предпочтения Янь Цина. Только характер немного... замкнутый.

Если бы тогда из переулка вышел не господин Гэн, а кто-то другой, кинулся бы он так же в чужие объятия, полностью потеряв контроль над инстинктами?

Он не знал.

А раз не знал — значит, «не нарочно» тоже звучало не совсем честно.

Он решил не оправдываться и просто сказал:

— В общем, извините за беспокойство, господин Гэн... и спасибо.

— Нарочно или нет — мне безразлично, — Гэн Ихуай подтолкнул купюры обратно к Янь Цину и произнёс, чеканя слова: — Твоё появление действительно было для меня случайностью. Но в подобном деле участвуют двое. Я не собираюсь винить случайность.

Пусть в тот вечер он и был не в лучшей форме — но в конечном счёте не удержался же и он сам.

Характер у Гэн Ихуая, вообще-то, был не сахар. Но, глядя в эти сияющие глаза Янь Цина, он невольно смягчался.

Даже не стал взыскивать с маленького ёкая за то, что тот посмел приставать к великому древнему ёкаю. Наоборот, находил его... по-настоящему милым.

Он высказал всё разом:

— Я могу взять ответственность. Обеспечу тебя средствами. Можешь выбрать себе комнату в этом доме — если понадобится что-то, обращайся. Но я не хочу, чтобы случайность полностью меняла мою жизнь. Постарайся не мешать мне.

Янь Цин замер.

Мужчина не только не сердился за то, что он навязался, а потом с утра сбежал, но и без всякой эмоциональной подоплёки предложил взять на себя ответственность.

«Господин Гэн — очень хороший человек», — снова подтвердил про себя Янь Цин.

— Не надо, — под пристальным взглядом собеседника он вдруг вспомнил, что той ночью на него смотрели точно так же. Щёки слегка вспыхнули. — Я не буду мешать вашей жизни, господин Гэн.

Боясь и правда доставить беспокойство, он подхватил пакет и поднялся, собираясь уйти.

Гэн Ихуай не настаивал, лишь поднялся на своих длинных ногах:

— Хорошо. Я скажу водителю, он тебя отвезёт.

Янь Цин несколько раз пытался отказаться, но безуспешно. Пришлось сесть в роскошный автомобиль неизвестной ему марки и отправиться домой.

Концерт закончился уже после десяти, а он ещё какое-то время пробыл у Гэн Ихуая. Теперь стояла глубокая ночь, и его съёмная квартирка в старом квартале была особенно тихой и тёмной. Его сосед по комнате Шэнь Синьши всегда ложился рано. Янь Цин на цыпочках проскользнул внутрь, старательно провёл все положенные людям вечерние процедуры и наконец лёг.

Стоило закрыть глаза — и перед ним тут же возникло лицо Гэн Ихуая. Мужчина слегка опускал взгляд, смотрел на него, храня в глазах какое-то невыразимое чувство, и молчал.

Мысли маленького цветочного ёкая невольно поплыли. Даже человеческий облик заколебался — на макушке пробился маленький бутон, тихонько покачиваясь.

Господин Гэн хорош собой, статен и богат. У людей такой наверняка нарасхват.

Только вот у него самого, похоже, нет желания развивать отношения дальше.

«Ответственность», которую он предложил, ограничивалась материальной стороной, а Янь Цин не был настолько толстокожим, чтобы принимать подобные подачки.

Эх.

Он погладил бутон на макушке, убрал побег обратно и под воспоминание о звуках рояля с концерта и низком, обволакивающим голосе господина Гэна постепенно провалился в сон.

Утром, когда затрезвонил будильник, Янь Цин получил ответное сообщение от Чжун Фэнхэ.

«Хорошо, дам тебе один шанс. Сегодня я в командировке, времени нет. Послезавтра утром в десять можешь прийти в офис. Пять минут, не больше.»

Янь Цин рывком сел на кровати. Прочитал сообщение сверху вниз, снизу вверх — несколько раз. Уголки губ поползли вверх, между бровей засветилась радость.

— ...Прекрасно.

Пусть шеф всего лишь даёт ему шанс изложить идею — даже если он в итоге провалится, это будет провал после честной попытки.

С самого утра — хорошие новости. Янь Цин воодушевился: сегодня в студии он доведёт свою задумку до совершенства и как следует подготовится к с трудом выбитым пяти минутам послезавтра.

Стоп!

А блокнот с набросками где?

Блокнот — во внутреннем кармане пальто.

Пальто он оставил на диване у Гэн Ихуая.

Янь Цин: «...!!!»

Тем временем в центре самой оживлённой торговой улицы Янчэна, внутри бизнес-центра, целиком принадлежащего одной компании, всюду ходили слухи.

— Слышали? У босса Гэна вчера дома появился человек.

— А разве там раньше никого не было?

— На этот раз — новый. И кто же это такой умелец? Босс Гэн ведь известен своей неподкупностью...

— Как думаешь, приведёт в офис?

— Ни за что. Босс Гэн строго разграничивает работу и личное, я ни разу не видел, чтобы он занимался в офисе чем-то личным...

— ...

В самом эпицентре слухов Гэн Ихуай сидел в своём кабинете. В ушах — гарнитура для селекторного совещания с подчинёнными, на столе — договор, который он одновременно вычитывал. Он занимался двумя делами разом и был по горло в работе.

Раздался незнакомый входящий звонок. Номер он видел впервые. Ежедневно с ним пытались связаться десятки, а то и сотни людей — номер на визитках расходился повсюду. Незнакомые звонки не были редкостью. Он лишь мельком глянул на экран и сбросил.

Через минуту звонок настойчиво повторился.

Час спустя — снова тот же номер.

Господин Гэн, которого маленький цветочный ёкай своим внутренним штампом объявил «супер-хорошим человеком», был поглощён работой и попросту переключил телефон в беззвучный режим. Если кому и правда нужно было связаться с ним по работе, помощник и секретарь сумеют его найти.

Когда солнце уже склонилось к закату, чёрный лимузин плавно остановился перед воротами особняка. Гэн Ихуай ступил на землю дорогими начищенными ботинками и краем глаза заметил у ворот чью-то фигуру.

Юноша сидел, обхватив колени, у железной ограды. Тёмно-рыжие короткие волосы отблёскивали в лучах заходящего солнца. Глаза его были прикрыты, спина прислонена к решётке — похоже, он устал ждать.

Услышав шаги Гэн Ихуая, Янь Цин непроизвольно открыл глаза, потёр слипшиеся веки и мягко-мягко произнёс:

— Господин Гэн, вы вернулись...

Господин Гэн — великий древний ёкай, проживший тысячи и десятки тысяч лет, — впервые в жизни ощутил то, что люди называют «сердце тает».

<http://bllate.org/book/21883/2278423>